

Цяо Чэнмэн схватил его за рану, вероятно, снова разорвав едва заживший шрам. Тёмная кровь постепенно пропитала одежду. Лу Цяньтан понизил голос:

— Я найду себе коня, дикого коня из степи.

Цяо Чэнмэн внезапно рассмеялся, совсем не как пьяный, и, подняв руку, тяжело хлопнул его по плечу:

— Хорошо.

— Хорошо, — повторил он, затем сделал паузу и добавил:

— Подожди немного, учитель подарит тебе хороший меч. Парень из Лянъяня — везде волк, а не собака, которую кто-то приручил. Никто не сможет его приручить.

Цяо Чэнмэн поднял взгляд к горизонту, словно говоря кому-то:

— Золотая клетка не удержит степного волка.

Праздничный банкет в честь Середины осени был устроен во дворце Ваньшоу. Все князья, принцессы и наложницы императора, находившиеся в столице, присутствовали на нём. Восьмого князя Сяо Минло три года назад пожаловали землями Сухуай. Недавно его мать, благородная супруга Шунь, тяжело заболела, и как раз накануне праздника император издал указ, повелевая ему вернуться.

Хотя ему и были дарованы земли, это была скорее разновидность изгнания. Однако Сухуай, расположенный на юго-востоке Великой Ци, был богатым краем, известным своими рыбой и рисом, живописными горами и реками, и процветающими жителями. Поэтому окружающим было неясно, было ли это благословением или наказанием.

Великая Ци разделена на семь провинций: на севере Лянъянь, на юге Янцзин, на северо-востоке Цинцзи, на северо-западе Лянгунь, на юго-западе Ляньсуй, а в центре — центральные земли Юньюй.

Ингао окружён горами: на западе его отделяет от Юньюя гора Сицин, на востоке — пик Цзюфэн, отделяющий его от Цинцзи, на севере — гора Цзиньпин, соединяющая его с Лянъянем, а на юге — крутые хребты, отделяющие его от Сухуай.

Янцзин и Тунцян разделены морем, но между ними часто происходят торговые обмены. Налоги от торговли Сухуай и Янцзин составляют большую часть государственной казны.

Но, несмотря на процветание Сухуай, он всё же отделён от Ингао множеством гор и рек.

Сяо Цинму сел на почётное место недалеко от императора Чжэньюаня и заметил Яо Чжана, сидящего напротив. Яо Чжан, отец благородной супруги Яо, долгое время управлял Внутренним кабинетом, и все доклады императора сначала проходили через его руки. Поэтому его присутствие на императорском банкете не было чем-то необычным.

Благородная супруга Яо и благородная супруга Ци сидели по обе стороны от императора Чжэньюаня, а другие наложницы заняли свои места.

После того как все князья и принцессы выразили свои приветствия, банкет официально начался.

Благородная супруга Шунь сидела в стороне с болезненным выражением лица. Она, казалось, с каждым днём худела, превращаясь в тонкий, как крыло бабочки, силуэт.

Благородная супруга Яо была ярко одета, её черты лица были выразительными, хотя сегодня её макияж был не таким ярким, как обычно. Она сидела по левую руку от императора, улыбаясь и услужливо помогая ему.

Слуги и служанки стояли по обе стороны, а певицы и танцовщицы вошли в зал. Звуки цитры и чжэна сливались в гармонии, их пальцы летали по струнам, а гибкие тела танцовщиц двигались в такт музыке. Их плавные движения и резкие повороты создавали ощущение возвышенности, а мелодия, меняясь, пробуждала бурные эмоции. Длинные рукава танцовщиц развевались в такт музыке, а звуки цитры и чжэна создавали ощущение безграничности.

Сяо Цинму, держа в руках чашку чая, посмотрел в угол, где сидел восьмой князь. Сяо Минло не был в Ингао три года, и, уезжая, он был ещё полурубёнком. Теперь же его детские черты исчезли, лицо стало более зрелым, а его манера держаться стала более сдержанной.

Сяо Минло, почувствовав взгляд, поднял глаза и слегка кивнул, затем незаметно отвел взгляд.

Все присутствующие были увлечены музыкой и танцами, и только после окончания номера заметили, что благородная супруга Яо плачет. Император Чжэньюань нахмурился:

— Всё было хорошо, почему ты плачешь?

Благородная супруга Яо слегка поклонилась:

— Простите, Ваше Величество, но в этой мелодии есть нотки войны, и я внезапно почувствовала грусть. Я подумала о том, как на поле боя нет места сомнениям, и о неизбежности смерти, поэтому не смогла сдержать эмоций.

Яо Чжан, которому было уже за пятьдесят, высокий и крепкий, с чёрными усами на губах, встал и поднял бокал, его голос был громким:

— Ваше Величество, не печальтесь. Князь Лян защищает Лянгунь, служа стране. Кроме того, Лянгунь уже стал гораздо спокойнее, и князь Лян, будучи благословленным судьбой, скоро вернётся невредимым. Разве не так, Ваше Величество?

Лицо императора Чжэньюаня стало мрачным, и он сухо ответил:

— Недавно наманьцы вторглись в три северо-западных города. Князь Лян держит в руках железную кавалерию Лянгунь, а значит, и судьбу его народа. Он должен защищать северо-западную границу. Разве не ты сам просил для него этого испытания?

Благородная супруга Яо смягчила выражение лица и смиренно сказала:

— Ваше Величество правы, но я давно не видела Юньцзэ, и мне его не хватает. Пожалуйста, не сердитесь.

Император Чжэньюань махнул рукой, чтобы музыка продолжалась:

— Мужчины должны стремиться к великим делам. Не позволяй своей мягкости мешать ему.

Яо Чжан сел обратно, держась развязно, и громко сказал:

— Ваше Величество, благородная супруга давно не видела сына, конечно, она беспокоится. Князь Лян ест пыль на северо-западе, как она может не переживать?

Император Чжэньюань и Яо Чжан не смогли поговорить и двух слов, как у императора начал закипать гнев. Вскоре он сослался на недомогание и покинул банкет вместе с наложницами.

После окончания банкета Сяо Минло вышел из зала и был немедленно приглашён кем-то.

В карете Сяо Цинму горел свет, и занавески на окнах колыхались от ночного ветра.

Сяо Минло сел и снова кивнул:

— Четвёртый брат.

Сяо Цинму передал ему чашку чая:

— Как тебе живётся в Сухуай?

Сяо Минло улыбнулся:

— Уже привык. Спасибо, что все эти годы беспокоился обо мне, всё хорошо.

Сяо Цинму смягчил выражение лица, его обычно пронзительные глаза-фениксы потеряли свою остроту, а его лицо, обычно скрытое под маской отчуждения, стало более открытым:

— Я слышал, что в Сухуай хорошие нравы, и князь Чу часто развлекается с народом, его слава дошла даже до Ингао.

Сяо Минло сдержанно улыбнулся:

— Четвёртый брат, ты преувеличиваешь. Это просто беззаботная жизнь князя, который ищет способы развлечься.

Снаружи внезапно поднялся сильный ветер, и свет в карете на мгновение погас, а затем снова зажёгся.

Половина лица Сяо Цинму была освещена светом, а другая половина была в тени, создавая силуэт его чёрных ресниц. Его голос был спокойным:

— Не переживай, скоро ты вернёшься.

Сяо Минло сохранял спокойное выражение лица:

— Не стоит торопиться, четвёртый брат. Не беспокойся обо мне, но моя мать всё больше слабеет, пожалуйста, позаботься о ней.

Сяо Цинму слегка повернул кольцо лучника на своём пальце и кивнул:

— Надолго ли ты вернулся?

Сяо Минло с лёгкой усмешкой ответил:

— Ненадолго, дня на три-пять, иначе меня попросят уйти.

Сяо Цинму сказал:

— Можешь остаться подольше, это не будет проблемой. Яо Чжан торопится вернуть Сяо Хуаймина, и наследник престола уже достаточно занят, чтобы обращать на тебя внимание.

Сяо Минло ответил:

— Лучше уйти пораньше, чтобы не привлекать их внимания, иначе будет неприятно. Кстати, четвёртый брат, через пару дней заходи ко мне в дом поужинать. Я знаю, что ты любишь сладости, а в Сухуай делают красивые и вкусные десерты. Я специально привёз повара из Цзяннаня, ты обязательно должен попробовать.

Сяо Цинму усмехнулся:

— Ты даже повара привёз, хорошо, обязательно приду.

Три года назад, когда наследник престола ещё не был назначен, Сяо Минло был более любим императором, чем нынешний наследник Сяо Лицун. Он действовал осмотрительно, был мягок характером, и император даже сказал: «Если Ланьсун взойдёт на престол, он станет добродетельным правителем, и суровые законы в стране прекратятся».

Однако вскоре Сяо Минло был обвинён в создании клики. Причиной стала статья, вышедшая из Академии Ханьлинь. В то время Палата цензоров выдвинула против него множество обвинений, от «самовозвеличивания» до «пренебрежения императорской милостью». Чиновники Академии Ханьлинь были уволены, а главный составитель Цяо Шанчжу и другие вовлечённые чиновники даже погибли из-за этого инцидента.

Это было знаменитое дело о поэзии Чу.

Под давлением Сяо Минло был изгнан из Ингао. Сяо Цинму несколько дней умолял, чтобы в императорском указе «никогда не возвращаться в столицу» было изменено на «не возвращаться без вызова».

За высокими стенами дворца похвалы ничего не стоят.

Один день — и высокое здание возвышается на сотни футов, но в мгновение ока и черепица превращается в прах.

Лу Цяньтан не был в Западном столичном лагере почти две недели, а когда вернулся, его повысили до сотника. По дороге он слышал столько грязных слов, сколько стрел было выпущено из арбалета в тот день.

Когда он вошёл в комнату, Чжао Цзин как раз вернулся с дежурства, схватил его и осмотрел рану, цокнув языком:

— Что за судьба у тебя, как ты так изранен? Плечо зажило? Болит?

Лу Цяньтан надел одежду и улыбнулся:

— Уже не болит, иначе двухнедельный отпуск был бы напрасным.

Чжао Цзин хлопнул его по плечу:

— Не болит, и ладно. Слышал, что за этот выстрел тебя повысили, теперь я на тебя надеюсь.

(Отсутствуют)

<http://bllate.org/book/16145/1445729>